

28.09.95

Зорин Леонид

Часть вторая
Скоро Новый год. Предвечернее время. На улице темно — только неясные отблески каких-то реклам. Слышно, как открывается входная дверь. Спустя несколько мгновений появляется Мария. Подходит к комнате Софьи — оттуда доносятся еле слышные голоса. Останавливается у двери в комнату Елены — тишина. Некоторое время остается неподвижной, на лице ее — смутная озбоченность. Присаживается за пианино, наигрывает уже знакомый мотив — рубинштейновскую “Мелодию”. Из первой комнаты выходят Софья и Арсюша. У обоих в руках — по чашечке кофе.

СОФЬЯ. Только пришла? (Мария, не прекращая играть, кивает). Сегодня — морозец.
АРСЮША. Когда я слушаю эту пьесу...
МАРИЯ. ... в моем пронзительном исполнении...
АРСЮША. Да, именно так...
МАРИЯ. ...то вы, наконец, достигаете очищения.
АРСЮША. Близко к истине.
МАРИЯ. Я рада за вас.
СОФЬЯ. Кем-то сказано: совершенство формы — преимущество падающих эпох.

АРСЮША. Мысль Розанова.
МАРИЯ. Значит, мы поднимаемся. Всюду — бесформенность.
АРСЮША. Не скажите. В словесности есть теперь виртуозы.

МАРИЯ. Вам виднее. Я не читала. Я работаю в библиотеке.
СОФЬЯ. Лены все нет?
МАРИЯ. Лены все нет.

СОФЬЯ. Странно. Ушла не попрощавшись. Где же она?
МАРИЯ. Есть смутная версия.
СОФЬЯ. Просто хандрить или повод есть? Поход через наш переход был мирным?

МАРИЯ. Представь себе. Все боишься насилия?
СОФЬЯ. Не знаю, девушка, что и сказать. С одной стороны — не по себе. С другой стороны — разнообразие.
МАРИЯ. Ратмир сказал: метаня русалки.

СОФЬЯ. Весталки.
МАРИЯ. Разница невелика.

АРСЮША. Станный стал город. Пестрые люди. Эта рекламная пиротехника. И тут же рядом — темень, опасность. Женщина в вашем переходе исполняет Аве Мариа. Роскошный голос. Я просто заслушался.

СОФЬЯ. Уж эти огни большого города...
АРСЮША. Я плохо укоренился в столице. Не ко двору. И по рождению и по натуре — провинциал. Мне стоило вернуться в глубинку.

СОФЬЯ. Вы уедете, я вам буду писать. Громадные простыни, очень духовные. Как Марина Цветаева — Райнеру Рильке. Вы взвоните и вернетесь в Москву.

МАРИЯ. Ты еще не устала ерничать?

СОФЬЯ. Возвышенная моя сестра! Мухин прорезался.

МАРИЯ (чуть помедлив). В самом деле?

СОФЬЯ. Сказал, что после шести позвонит. Не ожидала?

МАРИЯ. Нет, отчего же? Должен же он был объявиться.

СОФЬЯ. Все-таки, пауза затянулась. Еще немного — и Новый год.

МАРИЯ. Не жду от него ничего хорошего.

СОФЬЯ. От Нового года или от Мухина? Арсюша, наш антракт слишком долгий. И кофе выпит до дна. К станку!

МАРИЯ. Вы трудитесь!

СОФЬЯ. Это святой человек вычитывает вместе со мною гранки. Потом он меня проводит к шефу. Что бы я делала без вас? Не уезжайте на периферию.

АРСЮША. Куда я уеду? Там нет таких книг. (Проходит к Софье. Мария хмуро перебирает клавиши, потом решительно опускает крышку и уходит в свою комнату. Слышно, как открывается дверь в прихожей, негромкий смехок. Появляются Елена и Ратмир).

ЕЛЕНА. А я замерзла. Кофе желаете?

РАТМИР. Не утаю. Желая. Желая.

ЕЛЕНА. Сейчас мы с вами его хлебом и восстановим потенциал. (Уходит).

РАТМИР (подходит к пианино, выстукивает пальцем, напевает). Нас электричество согреет и остудит. Нам электричество родною мамой будет. Лишь электричество заменит тяжкий труд. Нажмешь на кнопку — чи-ки! Все тут, как тут. (Возвращается Елена с двумя чашечками).

ЕЛЕНА. Кофейник еще теплый-претеплый. В гостях — хорошо...

РАТМИР. Нет, нет дорогая. Не говорите, что дома лучше.

ЕЛЕНА. Как называется эта улица?

РАТМИР. Фортунатовская.

ЕЛЕНА. Я и не знала, что есть такая. Неисчерпаемый город. (Смеется). Байкальская, Волыная, Калитниковская...

РАТМИР. Подогниська. Рязанский проспект.

ЕЛЕНА. Была еще Новоалексеевская.

РАТМИР. Слава Богу, свет не без добрых людей. Все-гда есть ключ на часок-другой.

ЕЛЕНА. Вместо унылого семинара я бы могла вести свой курс — не то эротическую географию, не то эротическую топономику.

РАТМИР. Мысль яркая. (Отхлебывая). Кофе пахнет страстью.

ЕЛЕНА. Неужто все ею?

РАТМИР. Сам поражен.

ЕЛЕНА (ероша ему волосы). Маленький пир во время

Московское гнездо

(Сцены столичной жизни)

Новая драма Леонида Зорина “Московское гнездо” сыграла Всероссийский конкурс “Возрождение России” на лучшую современную пьесу — она удостоена первой премии. Пьеса принята к постановке Театром имени Евгения Вахтангова и будет полностью опубликована журналом “Современная драматургия”, который совместно с Фондом развития и поощрения драматургии, и при финансовой поддержке Мостбанка, проводил конкурс. Вниманию читателей предлагается вторая из трех сцен. Действие происходит в квартире молодой вдовы профессора Корфа Елены и двух ее падчериц — Марии и Софьи. В доме часто бывают ученики профессора — журналист Ратмир и учитель литературы Арсюша. Среди тех, кто появляется в этом московском гнезде, и покойной писательницы Манцев. А недавно возник еще один неизвестный до того ученик, Павел Данилович Мухин, ныне возглавляющий благотворительный фонд “Провесительство”. Возник и исчез на целых два месяца...

...я чумы. Что ж дальше, рассудительный всадник?

РАТМИР. Нет ничего смешнее в России, чем заглядывать в свой завтрашний день.

ЕЛЕНА. А люди смешны. Особенно женщины. Надо бы знать.

РАТМИР. Чем меньше знаешь... Боюсь состариться, дорогая. Я — стойкий неуч. По убеждению.

ЕЛЕНА. Печально.

РАТМИР. Неуч. Но — сам по себе. Не артельщик. Не пытаю сограждан любимым вопросом: “Ты меня уважаешь?” Это вашему неумному Манцеву нужно, чтобы его уважали. Его потому и потянуло к этим брадатым тенорам.

ЕЛЕНА. Ты, сударь, наглец.

РАТМИР. Дирижировать хочется. Не зря у меня дирижер с детства были на большом подозрении. Оркестр потеет, обезжизняется, а этот регуляторщик с желом кладет себе в карман все овалы.

ЕЛЕНА. Что это с вами? Не узнаю.

РАТМИР. Прощу извинить. Уже остываю. (Стучит пальцем по клавишам). Нас электричество согреет и остудит. Нам электричество родною мамой будет.

ЕЛЕНА. Занятная участь — родиться на свет.

РАТМИР. Лишь электричество заменит тяжкий труд. Нажмешь на кнопку — чи-ки! Все тут, как тут. (Захлопывает крышку). Утверждаю, что родиться — удача.

ЕЛЕНА. Не знаю. Уж как твой скелет устроен.

РАТМИР (обнял ее). Отличный, великолепный скелет. (Убежденно). Есть в осени первоначальной, есть! Умный Ратмир давно это понял. Какая женщина, слов не хватает. Сильная прямая спина. И сильные ноги, ничуть не ослабли. И руки эти под стужей действительности не оробели — две белье ветви.

ЕЛЕНА. Хватит расписывать мои стати. Мы в этой комнате, как на юру.

РАТМИР. Пройдемте к вам.

ЕЛЕНА. Но только — с условием. Будете очень умным Ратмиром. (Заходит к Елене. Появляется Мария. Смотрит на кофейные чашки, делает шаг к комнате манечки, но останавливается. Из своей комнаты выходят Софья).

СОФЬЯ. Ты обновила репертуар. Какие-то песенки доносились. (Мария недоуменно смотрит на нее). Похоже, что Елена вернулась?

МАРИЯ. Похоже, что нас с тобою надумали.

СОФЬЯ. Шарада. Я напряженно думаю. (Звонок). А вот и телефонная трель.

МАРИЯ (мельком взглянув на часы). Точна, как беда. (Снимает трубку). Я слушаю вас. Узнала. У вас характерный тембр. Да, разумеется. Я дома (Кладет трубку). Вы закончили?

СОФЬЯ. Это Мухин звонил? Финишируем. Осталось чуть-чуть. Стаейка одного теоретика. Так не хочется выходить на улицу. Холодырага. Тоска — зарабатывать хлеб. (Идет в свою комнату. Почти сразу же — звонок в дверь. Мария идет в прихожую. Негромкий обмен репликами. Возвращается с Мухиным).

МАРИЯ. Со скоростью света. Не понимаю. Вы позволили секунду назад.

МУХИН. Очень просто. Я звонил из машины. А машина стоит у вашего дома.

МАРИЯ. Эффектно. Присядьте, Павел Данилович.

МУХИН. Можно — без предисловий?

МАРИЯ. Естественно.

МУХИН. Машенька, фонд Корфа вас ждет.

МАРИЯ. Эффекты нынче — один за другим. Два месяца о вас не было слышно.

МУХИН. Я избегаю пустых разговоров. Мне нужен был некоторый срок.

МАРИЯ. Я уж решила, что вас отпустила.

МУХИН. Я уж сказал вам, что тут — не игра. Надеюсь, и это вы уже поняли. (Пауза). Вы не поужинаете со мною? Новое название фонда должно быть отмечено.

МАРИЯ. Хорошо, мне только придется переодеться.

МУХИН. Я жду вас у подъезда. В машине. И Бога ради — не торопитесь. Я должен сделать пять-шесть звонков. (Она провожает его. Дверь хлопает. Мария возвращается. На миг останавливается у комнаты манечки, потом быстро проходит к себе. Появляется Ратмир. Навстречу ему выходит Арсюша).

РАТМИР. Привет, галилеянин. Софа доступна?

АРСЮША. Она одевается. Потеплее. Уходим. Здесь Елена Петровна?

РАТМИР. Она одевается — по домашнему. Только пришла. (Стучит к Марии). Урожденная Корф!

ГОЛОС МАРИИ. Я одеваюсь.

РАТМИР. Неостроумно.

АРСЮША. Машенька мне показалась грустной. Софа это тоже заметила.

РАТМИР. Духовным девушкам грусть к лицу.

АРСЮША. Кстатти, звонил ваш филантроп.

РАТМИР. Все-таки! И какие вести?

АРСЮША. Не знаю. Он не застал. Вы полагаете, он серьезно привержен идее просветительства?

РАТМИР. Все филантропы — серьезные люди. Иначе бы живо отправились по миру.

АРСЮША. Может быть, они что-то спасут.

РАТМИР. На красоту уже не надеетесь?

АРСЮША. Все подкалываете. В сущности, очень досадно, что мы постоянно должны надеяться — неважно, на что-то или кого-то. А между тем все в наших руках. Нам надо оставить в чаше лишь каплю.

РАТМИР. Вы говорили нечто похожее. От поэта довольно одной строки.

АРСЮША. Вот именно. Строчки вполне достаточно. В каждой книге, даже и неумелой, можно найти нечто затанное — сведения, словечко, присловье, какой-нибудь странный оборот. А если бросить в копилку мысль, одно лишь делное соображение — больше от нас ничего и не требуется. В конце концов, все поймут очевидно — возможен лишь гуманитарный мир.

РАТМИР. А это — гуманитарный миф. Вам разве не приходило в голову, что этот мир создают журналисты?

АРСЮША. Но было же время, когда их не было.

РАТМИР. Они по-другому тогда назывались. Азды. Ле-

полдня в неделю. Жену — чаще, но без большой охоты.

МАРИЯ (после паузы). Где расположен ваш фонд?

МУХИН. Фонд Корфа.

МАРИЯ. Я поняла: Так же?

МУХИН. В Чертанове.

МАРИЯ. У черта на рогах.

МУХИН. Да, не близко. Но это не должно вас смущать. Мы нанимаем для вас квартиру поблизости.

МАРИЯ. О всех сотрудниках так заботитесь?

МУХИН. Пока это не в моих возможностях. Но вы — не все. (Пауза). Я вас не задею?

МАРИЯ. Нет, я уж привыкла к вашим эффектам. Я, Павел Данилович, не дитя и правила игры понимаю.

МУХИН. Могу вас уверить, что тут — не игра. Надеюсь, и это вы уже поняли. (Пауза). Вы не поужинаете со мною? Новое название фонда должно быть отмечено.

МАРИЯ. Хорошо, мне только придется переодеться.

МУХИН. Я жду вас у подъезда. В машине. И Бога ради — не торопитесь. Я должен сделать пять-шесть звонков. (Она провожает его. Дверь хлопает. Мария возвращается. На миг останавливается у комнаты манечки, потом быстро проходит к себе. Появляется Ратмир. Навстречу ему выходит Арсюша).

РАТМИР. Привет, галилеянин. Софа доступна?

АРСЮША. Она одевается. Потеплее. Уходим. Здесь Елена Петровна?

РАТМИР. Она одевается — по домашнему. Только пришла. (Стучит к Марии). Урожденная Корф!

ГОЛОС МАРИИ. Я одеваюсь.

РАТМИР. Неостроумно.

АРСЮША. Машенька мне показалась грустной. Софа это тоже заметила.

РАТМИР. Духовным девушкам грусть к лицу.

АРСЮША. Кстатти, звонил ваш филантроп.

РАТМИР. Все-таки! И какие вести?

АРСЮША. Не знаю. Он не застал. Вы полагаете, он серьезно привержен идее просветительства?

РАТМИР. Все филантропы — серьезные люди. Иначе бы живо отправились по миру.

АРСЮША. Может быть, они что-то спасут.

РАТМИР. На красоту уже не надеетесь?

АРСЮША. Все подкалываете. В сущности, очень досадно, что мы постоянно должны надеяться — неважно, на что-то или кого-то. А между тем все в наших руках. Нам надо оставить в чаше лишь каплю.

РАТМИР. Вы говорили нечто похожее. От поэта довольно одной строки.

АРСЮША. Вот именно. Строчки вполне достаточно. В каждой книге, даже и неумелой, можно найти нечто затанное — сведения, словечко, присловье, какой-нибудь странный оборот. А если бросить в копилку мысль, одно лишь делное соображение — больше от нас ничего и не требуется. В конце концов, все поймут очевидно — возможен лишь гуманитарный мир.

РАТМИР. А это — гуманитарный миф. Вам разве не приходило в голову, что этот мир создают журналисты?

АРСЮША. Но было же время, когда их не было.

РАТМИР. Они по-другому тогда назывались. Азды. Ле-

тописцы. Историки. Эпические поэты. Теологи. Скажите мне, кто такой Светоний, если не мастер репортажа? Или же старина Гомер? Тоже оставил нам зарисовки, так сказать, с фронта Троянской войны. Была такая горячая точка. Вы скажете, он писал их гекзаметром и слишком подробно. Но так было принято. Зато, как всякий корреспондент, он слеп, патетичен, склонен к гиперболе.

АРСЮША. И все-таки, мы выйдем в финал.

РАТМИР. Кто это — мы?

АРСЮША. Гуманитарии. Закон капли — это великий закон. Какой-то суждено стать последней.

РАТМИР. И что из того? Большая радость! Есть и последняя капля терпения. После нее начинается рубка. И — до последней капли крови.

АРСЮША. Что делать? Каждый из нас совершает последний шаг — от жизни к смерти. Он и зовется моментом истины.

РАТМИР. Спасибо вам за такой момент. У вас навязчивая идея. Везет нам с многообразием форм! Были мы лагерными пылниками, были державными песчинками. Теперь, извольте видеть, капли. Наверно, только на то и годимся, чтоб нас разглядывали в микроскоп.

АРСЮША (смеясь). Странно. С вашей жизнеспособностью, с вашими, наконец, динамизмом давно вы должны были преуспеть.

РАТМИР. Казалось бы. Но есть затруднение. Как выясняется, я — чистоплюй. Скорее всего, придется остаться кавалеристом и кавалером.

ГОЛОС СОФЬИ. Арсюша, зайдите ко мне.

АРСЮША. Вы готовы?

ГОЛОС СОФЬИ. Конечно. Смущать вас не собираюсь.

АРСЮША. И все же, я хотел бы понять, кто мы, по-вашему?

РАТМИР. Мужайтесь. Мы, Арсюшенка, Геростраты, но, к счастью, нас никто не запомнит.

(Арсюша машет рукой, заходит к Софье. Из своей комнаты выходит Мария. Одета продуманно и впечатляюще). Вот это да.

МАРИЯ. Что-то встревожило?

РАТМИР. Преображение господне.

МАРИЯ. Спасибо. Я и не подозревала, что мне так нужно преобразиться.

РАТМИР. Как говорится, предела нет.

МАРИЯ. Что нового в мире?

РАТМИР. Да в общем все то же. Пожар способствует нам к украшению. На холмах Грузии лежит ночная мгла.

МАРИЯ. А собственные слова у вас есть?

РАТМИР. Что с вами, друг мой? Не узнаю. Стали нервны, как советская женщина.

МАРИЯ. Какой пронциательный господин. (Пауза). Когда появились?

РАТМИР. Да только что.

МАРИЯ. Давеча я шла через комнату и мне показалось, что вы тут близко.

РАТМИР. Лестно. И я кому-то мерещусь.

МАРИЯ. Давно бы стоило к вам приглядеться.

РАТМИР. Глазки поломаете, Машенька.

МАРИЯ. Впрочем, теперь это несущественно.

РАТМИР. Куда вы нацелились?

МАРИЯ. В ресторан. Меня пригласил Павел Данилович.

РАТМИР. Карамба.

МАРИЯ. Похоже, что ваши усилия приносят свои плоды. Вы довольны?

РАТМИР. Сложное чувство.

МАРИЯ. Всегда удивлялась, что манеча говорит о вас сдержанно. Ваше участие в нашей жизни заслуживало иной реакции.

РАТМИР. Машенька, Машенька, это вы ли? Где ваша корфовская невозмутимость? Ваш албастровый ледок?

МАРИЯ. Не сокрушайтесь, мое — при мне. К несчастью. Во вкусе и воспитании есть некий замысел поражения.

РАТМИР. Неглупо. Вон Чехов целых два года кружил вокруг своей Лики Мизиновой, писал ей прелестные записочки, был бережен, предусмотрителен, нежен. Ну и дождался — возник Потаненко. Неприязнательность, южный глаз, здоровье — и где она, наша Лика?

МАРИЯ. И верно — где она, наша Лика? Вам стоит задуматься на досуге.

РАТМИР. Арсюша заметил, что вы не в духе.

МАРИЯ. Он-то заметил. Ну, будет. Все — вздор. Жаловаться — не дворянское дело.

РАТМИР. Так говорят в дворянском собрании?

МАРИЯ. Не бывало. Там полно самозванцев.